

ДОМИНИК СУРДЕЛЬ

**НЕВОЗМОЖНО
БЫТЬ КУЛЬТУРНЫМ
ЧЕЛОВЕКОМ, НЕ ЗНАЯ
ХОТЯ БЫ ОСНОВ
ИСЛАМА**

**ЦИВИЛИЗАЦИЯ
КЛАССИЧЕСКОГО ИСЛАМА**

Весь мир

Доминик Сурдель

**Цивилизация классического
ислама. От праведных халифов
до падения династии Аббасидов**

«Алисторус»

2024

УДК 7.033.3
ББК 86.38

Сурдель Д.

Цивилизация классического ислама. От праведных халифов до падения династии Аббасидов / Д. Сурдель — «Алисторус», 2024 — (Весь мир)

ISBN 978-5-00222-522-4

Множество тайн и загадок хранит Древний Восток. Удивительные цивилизации возникали и угасали на нём. Величайшее восхождение Исламской цивилизации началось там в 622 году. В следующие столетия арабы покорили Месопотамию и Египет, Кавказ и Персию, часть Индии, треть Африки, Испанию, Малую Азию, Сирию и Палестину. Великая империя раскинулась на бескрайних просторах среди гор и песков, морей и полноводных рек. Именно там появляется прославленная исламская культура, знаменитая своей поэзией, медициной, философией и искусством. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 7.033.3
ББК 86.38

ISBN 978-5-00222-522-4

© Сурдель Д., 2024
© Алисторус, 2024

Содержание

Предисловие	6
Введение	9
Часть первая	13
Глава 1	13
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Доминик Сурдель
Цивилизация классического ислама
От праведных халифов до
падения династии Аббасидов

© Сурдель Д., 2024

© Бабинцева В. А., перев., 2024

© ООО «Издательство Родина», 2024

* * *

Предисловие

Раймон Блок

Когда Жанин и Доминик Сурдель любезно согласились принять мое предложение написать совместную книгу о средневековом исламе, я уже знал, что новая и непростая в исполнении работа будет сделана, и сделана хорошо. Дружеские беседы, которые я вел с ними попутно, и знакомство с их рукописью показали, что мои предположения оправдались. В итоге родилась книга по исламской истории, которой суждено стать классической. Я с огромным удовольствием представляю ее читателю и сожалею лишь о том, что скромность ее авторов – скромность, присущая подлинным ученым, – заставляет меня сдержаннее выражать то уважение, которое мне внушает этот труд.

Существует не так много книг, способных дать пример безукоризненного исторического метода, которые полностью отвечали бы ожиданиям как ученых, так и широкой публики. «Цивилизация классического ислама» – одна из них, и успех ее тем более ценен, что исламской библиографии до сих пор недоставало исследования подобного масштаба. Требовалось заполнить лакуну. И это блестяще было сделано благодаря тем, кто, несмотря на собственные научные изыскания, без колебаний взялся за синтез такого масштаба. Впрочем, оппозиция между анализом и синтезом иллюзорна, ученый вынужден поочередно заниматься и тем, и другим, наука постоянно нуждается в обоих приемах для своего развития. Подтверждением тому – эта книга.

Главная проблема изначально ставится как актуальная. Ислам, возникшая в VII в. в средиземноморском бассейне монотеистическая религия откровения, с ее нехитрым кодексом индивидуальных и социальных обязанностей, до сих пор сохраняет свою энергию и экспансионистскую силу и продолжает оказывать глубокое психологическое и социологическое воздействие на своих адептов. Стоит ли из этого делать вывод, что исламская цивилизация, благодаря своей сильной доктрине и условиям жизни, характерным для субпустынной зоны, где она первоначально распространилась и закрепилась, оставалась все это время неизменной? Несмотря на строгость ее религиозной и социальной традиции, нельзя рассматривать ислам как нечто застывшее, тождественное тому первоначальному образу, который нам известен по проповеди Мухаммада. Исламский мир формировали народы самого разного происхождения и уровня развития, а власть, которая стремилась унифицировать людей и страны, непрерывно оспаривалась соперничающими династиями. Более того, новые вторжения, политические и социальные сдвиги положили начало множеству культур, которые вели собственную жизнь. Вывод, таким образом, нуждается в поправках, причем не следует забывать ни о характерном для ислама стремлении сохранить приверженность прошлому, ни о тех разнообразных формах, которые его заставляла принимать история.

Жанин и Доминик Сурдель имели целью обрисовать и осветить широкую и захватывающую тему судьбы первой имперской цивилизации ислама, отмеченной господством Умаййядов, затем Аббасидов, которая перешла потом в завершенную модель арабо-мусульманского общества, предписанную непосредственно Кораном. Ее пятивековое возвышение было блестящим, ее воздействие – долговременным и безграничным. Конечно, экономические и социальные сведения относительно нее гораздо более скупы, чем того хотелось бы. Оставленные ею археологические памятники еще недостаточно изучены и известны. Между тем авторы, будучи совершенно в курсе новейших изысканий, в которых сами принимали участие, сумели извлечь из имеющихся материалов все возможное историческое содержание.

Историческая часть, описывающая рождение и распад империи, включает три великолепные главы, охватывающие эпоху от VII до XII в., от провозглашения Мухаммадом новой

религии до упадка мусульманской цивилизации Запада и дробления мусульманской цивилизации Востока в результате тюркских и монгольских вторжений.

В анархическом арабском мире вдохновенный человек Мухаммад возгласил новую монотеистическую религию, основанную на исламе, покорности Аллаху и повиновении его Посланнику. На почти пустынных землях Востока родилась еще одна религия откровения, которой было суждено великое будущее. Видимо, безлюдье унылого пространства является крайне благоприятным для прямого контакта с божеством.

Картина жизни Пророка, хиджры, организации первой мусульманской общины, строго подчиненной исходящему из текста Откровения Закону, и далее, после смерти Мухаммада, первых завоеваний и раздоров Сподвижников, кажется мне начертанной с редкостной проницательностью и глубиной. С момента возникновения исламского мира в нем таились многочисленные ростки раскола и инакомыслия, которые и проявились в рамках завоеванной империи в годы, последовавшие за смертью Пророка. И между тем никогда не рождалась так стремительно столь обширная империя, движимая потребностью распространить как можно дальше новую веру.

Гетерогенному умаййадскому миру, сочетавшему в себе многочисленные традиции и антагонизмы, наследовала империя Аббасидов, правитель которой, халиф, близкий родственник Пророка, стремился упрочить власть, основанную на совершенном правоверии. Но племенные и религиозные противоречия сохранялись, и исламский мир так или иначе не мог уничтожить своей глубокой неоднородности, хотя первая волна завоеваний внушала уверенность в более длительной унификации. Стоило аббасидскому блеску померкнуть, как провинциальный партикуляризм придал арабской культуре различные оттенки в зависимости от территории распространения, происхождения завоеванных народов и, наконец, новых проникновений. На исходе этого блистательного периода распыление империи, происходившее из-за внутренних раздоров и внешних набегов, повлекло замыкание арабской цивилизации в самой себе – с более выраженной консервативностью на Западе и, несмотря на глубокую ностальгию о прошлом, с большей адаптационной податливостью в странах Востока.

За этим проницательным и полным нюансов исследованием истории исламского Средневековья следуют великолепные главы о религии и обществе, рассматривающие Откровение и его развитие (VI–VIII вв.), выработку учения и религиозные движения (IX–XII вв.), право и моральные институты, ландшафт и ресурсы империи, дворцы и придворные круги, наконец, город и городскую среду. Таким образом, религиозная и социальная действительность последовательно и всесторонне рассматривается и исследуется авторами, несмотря на трудность и запутанность проблем, которые они ставят. Освещая принципиальные события и тенденции, авторы никогда не упускают из виду второстепенные элементы сложной ситуации. Их труд напоминает картину, написанную в приглушенных тонах, которые тем не менее позволяют ясно различить основное.

И вот перед нами вырисовывается образ ислама, определяющего всю жизнь человека, ее духовные и моральные аспекты, равно как и социально-политические процессы. Все держится на Откровении, которое обеспечивает целостность мусульманского сообщества. И между тем то изначально данное в Откровении, бывшее фундаментальным фактором единства, стало также источником различных интерпретаций и расколов, обусловленных обстоятельствами, в которых текст Корана был воспринят и сохранен. Вся история изучения священного текста рассмотрена четко и скрупулезно, как и постепенная разработка права, применяемого в культовой практике и в отношениях между людьми. Исламская цивилизация моделирует религиозную и социальную жизнь в постоянном обращении к правовой практике, не закрываясь тем не менее от влияния мира, в котором она развивается. Пустынные пространства и многолюдные города естественным образом определяют многоликость ее образа жизни: цивилизация пустыни и цивилизация оазисов, цивилизация города – необходимые рамки бытования культа

и права. Способы и приемы агрикультуры, виды ремесел, городской образ жизни, литературная и художественная деятельность, блистательные архитектурные сооружения, предназначенные для собраний и молитв, роскошные резиденции правителей, от которых остались лишь разрозненные руины. Тщательность и скрупулезность, характерные для основного корпуса книги, выдержаны и в кратких, но содержательных статьях словаря, который представляет собой сжатую, но точную энциклопедию ислама.

Уверен, что, закрывая эту книгу, читатель, как и я, испытает чувство удовлетворения и обогащения. Он ощутит масштабы информации, которая, растворяясь в синтетической ткани изложения, поступает через детали, создавая прочный каркас, на котором гармонично возвышается вся конструкция. Он сохранит в памяти как четкие и проницательные формулы, обозначающие проблему и ситуацию, так и описания, которые при всей их сдержанности воссоздают перед нашими глазами целостную картину.

Будучи результатом долгих и терпеливых изысканий, «Цивилизация классического ислама» доказывает, что книга, написанная двумя учеными, которых объединяет поистине самая тесная связь, может быть глубоко однородной. Отнюдь не превращаясь в источник разногласий, эта совместная работа допускает постоянную конфронтацию точек зрения и их взаимообогащение. Лично я крайне признателен Жанин и Доминику Сурдель за то, что могу предложить публике книгу, обещающую составить центр и стержень серии, в которой она выходит. И в сущности, как мне кажется, сделанное ими имеет гораздо большее значение. В мире неведения и противостояний, в котором мы живем, труды, объективно освещающие своеобразие различных цивилизаций, содействуют лучшему познанию людьми самих себя и себе подобных, а в обогащении знания друг о друге, несомненно, коренится истинная надежда на прогресс в отношениях и судьбах народов.

Раймон Блок

Введение

Монотеистическая, до наших дней живая религия, будучи силой оружия навязана огромной империи и в дальнейшем воодушевлявшая более или менее независимые локальные очаги, ислам и ныне сохраняет значительную силу экспансии, оставаясь – от черной Африки до Пакистана и даже до Малайзии – господствующей религией многих современных государств, даже таких, которые на первый взгляд складывались скорее на националистических, нежели на исламских основах. Черты этой простой веры с ее давно кодифицированными социальными и индивидуальными обязательствами, были выражены достаточно ярко, чтобы моделировать – и в нынешнюю эпоху тоже – как психологические аспекты, так и общественное поведение своих адептов. Отсюда общая тенденция говорить об оригинальной единой исламской цивилизации, объединяющей географически весьма различные регионы, которая была создана после провозглашения коранического Откровения устами Мухаммада и осталась на века без значительных изменений, объединив в «общину Правоверных» всех представителей исламского мира.

Основания для такого видения неоспоримы. Исламская цивилизация существует как оппозиция других цивилизационных форм, не затронутых этой доктриной. Прошло немало времени с тех пор, как ориенталист Л. Массиньон сумел оценить непреходящую реальность того, что он называл «гербами ислама», влияние которых он прослеживал от столетия к столетию даже в многообразной жизни современного мусульманского мира, вызывающего сегодня особый интерес. Поэтому отчасти мы можем доверять ему, учитывая положительное отношение в последние годы к понятию вневременного «исламского города», которым можно пользоваться как ключом, позволяющим понять многие исторические феномены, начиная с феномена взаимопроникновения, благодаря которому веками происходила унификация менталитетов изначально весьма различных этнических и политических групп.

С исламом, в сущности, следует связать такую форму культуры, которую в интеллектуальной деятельности отличает превосходство юридических и религиозных наук, основанных на уважении Предания, составляющего ее доктринальный фундамент. К тому же из ислама возникает тип общества, который отдает приоритет наряду с властью мирской (скорее терпимой, чем оправдываемой), ученым, правоведам и судьям, по существу обладающим среди своих современников если не безоговорочной властью, то неоспоримым моральным престижем. Отсюда забота о правоверном традиционализме и уважение к толкователям Закона, определяющие как общественную, так и индивидуальную мораль, для которой характерно неуклонное исполнение мелких предписаний.

Этот феномен был подкреплён действием других факторов, таких как социогеографические условия субпустынной зоны, в которой первоначально распространился ислам, а также характер интеллектуального и материального наследия, которое Восток эпохи поздней Античности оставил своим завоевателям. Эти факторы, собственно говоря не зависящие от религиозной практики, но связанные с ней столь глубоко, что их зачастую трудно развести, несомненно, объясняют долговременное существование на исламской территории авторитарного режима, определяемого самоуправной властью суверена, и экономики средневекового типа, основанной на земельном богатстве и крупной торговле. Эти факторы способствовали укреплению в странах ислама чувства фундаментального единства, которое всегда превалировало над осознанием внутренних противоречий и отличало мусульманский мир от мира «неверных», с которыми первые могли пребывать исключительно в состоянии либо вооруженной борьбы, либо временного перемирия.

На основании всех этих очевидных фактов нельзя между тем сделать вывод о неизменности во времени и пространстве порожденной исламом цивилизации. Не только соперничающие династии отстаивали свои исторические интересы и способствовали складыванию в отдельных

государствах определенного менталитета, но и сам исламский мир, образованный объединившимися под одной властью странами, этнически и исторически непохожими, испытывал устойчивые тенденции к отделению. В ходе веков он претерпел многочисленные потрясения политического и социального порядка, затрагивавшие как арабо-мусульманский Ближний Восток, который всегда останется его сердцем, так и отдаленные окраины, где в контакте с чужеродными традициями смогли выработаться формы симбиоза, весьма далекие иной раз от предшествовавших воплощений. Первым унитарным империям, созданным арабскими завоеваниями, наследовали царства меньшего масштаба, которые вследствие экономических причин и династических притязаний эволюционировали в свою очередь – в самых разных пропорциях – от мелких независимых княжеств, сгруппировавшихся вокруг местного суверена, до хрупкого конгломерата провинций, объединенных сильной рукой удачливого завоевателя.

В то же время шел непрерывный процесс дифференциации, главным образом за счет мирных переселений и насильственных вторжений из азиатских степей и африканских пустынь неарабских племен, чаще всего довольно быстро исламизировавшихся, но тем не менее влиявших на условия внутреннего равновесия. Общеизвестно, насколько постепенное проникновение тюрок трансформировало облик аббасидской империи как в отдаленных провинциях, так и в иракских центрах. Приход к власти этих самых тюрок, с трудом прорвавшихся из Центральной Азии в Иран, оказывал все более осязаемое воздействие по мере того, как они аннексировали в пользу ислама новые территории – такие как Анатолия в эпоху Сельджукидов или балканская Европа в османскую эпоху, – и по мере того, как давало о себе знать глубокое видоизменение исламского общества в контакте с новыми обычаями и новым образом жизни. Но разрушительные последствия сначала завоевательной волны Чингизхана, потом дикой авантюры Тамерлана были не менее значительными: Иран, широко открытый с тех пор для азиатских влияний, обрел на западе забытую за сотни лет границу, а кроме того, разорения, причиненные тюрками, привели к тому, что многие из окультуренных территорий, на которых жили целые поколения оседлых, вернулись в пустыню. Нельзя отрицать значение исторических случайностей и абстрагироваться от прямых последствий подобных потрясений, усиленных к тому же реальным, хотя и менее зрелищным воздействием конфликтов, которые хронически возникали между мусульманскими государствами. Не стоит забывать и об устойчивой напряженности, сталкивающей исламский мир с амбициозными посягательствами сначала христианского Запада, а несколько позже – торговой и индустриальной Европы: посягательствами военными, такими как Крестовые походы на Восток или европейская реконкиста Испании и Дунайского бассейна, а также посягательствами торговыми, в результате которых итальянская и французская торговля постепенно утверждалась в левантийских городах.

Всем этим обстоятельствам, которые позволяли определенной форме общества, преимущественно укрепившейся в том или ином регионе, процветать и самовыражаться в самобытном творчестве, способствовало наличие местных культур, которым их исламский характер не мешал глубоко укорениться во времени и пространстве. Турецкий ислам османского периода, иранский ислам времен династии Сефевидов или индийский ислам эпохи Великих Моголов, если брать наиболее известные примеры, проявились как оригинальные образования, где приоритет мусульманской религии не препятствовал существованию других весьма специфических течений. И более близкие нам проблемы современных исламских государств снова доказывают возможность эволюции принципов и образа жизни, которые ошибочно считались неизменными.

Конечно, в этих культурах, объединенных чаще всего общностью языка, нет ничего, что может быть рассмотрено в полной изоляции или пониматься вне отношения с предшествующими или современными им культурами, привитыми на тот же исламский корень. Но стремясь нивелировать специфику каждой из них, чтобы, обращаясь к их совокупности, сконцентрироваться на устойчивых, общих для всех чертах, можно получить лишь невыразительный

и искусственный образ так называемой «средней» исламской цивилизации, рассматриваемой *subspecie aeternitatis*, но никогда в такой форме реально не существовавшей. Формировавшаяся на основе религиозно-правовой мысли, постепенно складывающейся в изменчивых материальных рамках – как это наглядно показывают исследования А. Лауса в области исламологии, – исламская цивилизация, как любая другая, испытывала на себе законы роста и упадка, уподобление которых этапам человеческой жизни ныне стало банальностью. Между тем в отличие от многих других, она все время ориентировалась на прошлое, что придает особое значение ее самым ранним проявлениям, в которых следует искать принципы и опыт, обусловившие ее последующие формы.

В этом смысле первая имперская цивилизация ислама, арабо-мусульманская, которая развивалась вначале под эгидой Умаййядов, затем Аббасидов и росла вместе с мирским триумфом ислама, еще недалеко ушедшая от своих истоков, единственная может быть названа «классической» в самом общем значении этого термина. Избежавшая участи остаться всего лишь переходной эпохой, к которой в той или иной степени пренебрежительно относились бы последующие периоды, как это случилось с нашим западным Средневековьем, она воспринималась как достойная модель для подражания, как первое и совершенное воплощение общественного типа, порожденного заповедями самого Корана и, таким образом, имеющего авторитетность. Исторические рамки этой цивилизации легко определить: ее упадок отмечен массовыми азиатскими нашествиями тюрок и монголов, совпавшими с вторжениями франков и набегами кочевников и горных берберов на исламский Запад, которые закрепили территориальное и лингвистическое дробление целостного ансамбля, где до сих пор ферментом единства служила добровольная арабизация. Но прежде прошло пять веков материального и культурного процветания, которых оказалось достаточно для создания богатого художественного и интеллектуального наследия.

Конечно, на сегодняшний день существует множество трудностей, которые мешают исчерпывающему исследованию этой цивилизации, – прежде всего неравноценность источников. Нарративные и документальные источники об обществе, где она выросла и расцвела, дают нам представление только об аристократических и интеллектуальных сословиях, обычно оставляя в тени трудовое население. Очень немногочисленные данные экономического порядка, – к которым, однако, такие историки, как К. Казн, годами стремятся привлечь интерес исследователей, – до сих пор не позволяют нам уточнить детали материальных условий, на которых основывалось процветание мусульманского мира в ту эпоху. Сопоставление с позднейшими фактами, относительно которых имеется больше сведений, в целом остается слишком произвольным, чтобы на их основании можно было сознать реконструкции или давать оценки. Археологические памятники, которым Ж. Соваже нашел достойное место в перспективе «полной истории», но которые стали изучаться лишь относительно недавно в труднодоступных регионах, не дают полного представления об образе жизни той отдаленной эпохи. В общем, отставание исследований, посвященных этим разнообразным вопросам, и в наши дни является главным препятствием, и можно только надеяться, что оно уменьшится сообразно росту числа и тщательности новых научных исследований.

Но даже та неполная картина, которую тем не менее сегодня мы пытаемся обрисовать, при всех своих изъянах может дать представление о том, какой должна была быть некогда «классическая» исламская цивилизация. Эта цивилизация открывается в двух трудно сопоставимых аспектах: с одной стороны, мы видим блестящие технические и материальные достижения, обеспечивающие роскошь и комфорт, доступные тогда членам правящих классов, с другой – нам открывается религиозная и интеллектуальная ориентация этой цивилизации, благодаря которой можно представить менталитет всего общества. К первому аспекту относится почти весь имеющийся у нас конкретный иллюстративный материал, который показывает людей той эпохи через их творения, архитектурные сооружения или произведения

ремесла, ибо человеческие изображения в жанре портрета были редкостью в ту эпоху. Зато второй аспект открывается через более разнообразные данные, касающиеся политических и культурных событий, которые определяли потребности старинного образа жизни мусульманина. Таким образом, мы рассмотрим исламскую цивилизацию в состоянии напряжения между двумя полюсами: между тем, что ей навязывала доктрина, определявшая малейшие акты человеческой жизни в зависимости от абсолюта, предполагаемого верой, и тем, к чему тяготели старые мирские традиции, наследницей которых эта цивилизация стала и которые она не могла отринуть, рискуя тем самым отказаться от мирского триумфа, на котором она утвердила само величие своего завета.

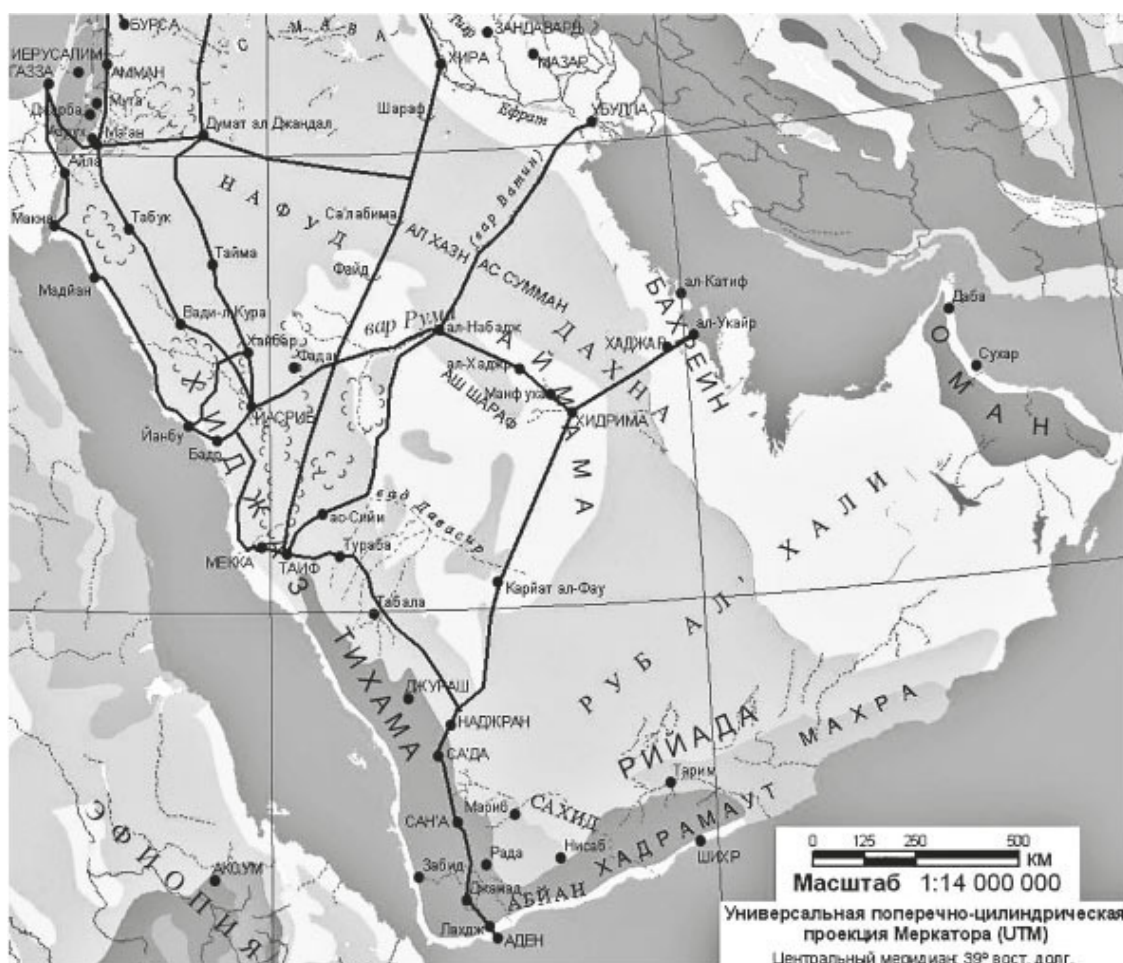
Часть первая

Рождение и распад империи

Глава 1

Истоки арабо-исламской цивилизации (622–750)

В начале VII в. в Аравии, во глубине пустынного Хиджаза, устами вдохновенного человека по имени Мухаммад – это имя часто транскрибируют как Магомет – был провозглашен ислам, новая, основанная на «покорности Аллаху» и почитании его Посланника религия. Проповедь ее первоначально затронула лишь ограниченное число современников в небольшом торговом городе Мекка и горном оазисе Йасриб, ставшем «городом» Пророка, или Мединой. В момент смерти Мухаммада, в 632 г., она только-только охватила кочевавшие внутри страны арабские племена, отдельные вожди которых согласились признать власть нового государства, хотя такое политическое объединение нельзя рассматривать как истинное обращение в ислам. Эти на первый взгляд незначительные, но вскоре вышедшие за локальные рамки последствия тем не менее объясняют то политическое потрясение, которое меньше чем через 50 лет почти полностью изменит облик Передней Азии и бассейна Средиземного моря, когда от Пиренеев до равнин Индостана и Мавераннахра раскинется империя, рожденная потребностью распространения новой веры.

Древняя Аравия накануне хиджры. Кочевые племена разного происхождения, но почти всегда стремившиеся продвинуться севернее, соседствовали здесь с редкими очагами оседлости, занимающими либо оазисы Хиджаза, вдоль которых пролегал караванный путь благовоний и пряностей, либо древнюю «счастливую» Аравию, пребывавшую в полном упадке

Внезапность этого феномена и контраст между негромким началом мусульманской общины и расцветом громадного завоевательного государства уже сами по себе вызывают изумление историков. Отсюда разнообразие предложенных объяснений, подавляющее большинство которых усматривают в этом особый случай крушения античного мира. Во всяком случае, очевидной остается связь между скромным творением Мухаммада и сложной организацией позднейшего исламского мира, который искал свои руководящие принципы в мельчайших деяниях и поступках своего основателя и, расположившись в лоне богатых и урбанизированных регионов, сохранял память о той своеобразной стране, где был явлен завет Мухаммада и откуда его первые сподвижники отправились покорять окрестные земли.

Страна эта, Аравия, повсеместно, кроме юго-западной оконечности, отличавшаяся сухостью климата и грубым нравом своего немногочисленного населения семитского происхождения, еще и в VII в. жила в состоянии анархии и беспорядка, о котором нам недостает точных сведений. Сами жители называли ее Джазират-ал-Араб, или Арабский остров. Но она тем не менее никогда не имела общего управления и была известна античному миру только благодаря своей торговой активности и проникновению в соседствовавшие с ней на севере сирийско-месопотамские земли племенных групп, бежавших от скудости родной земли, чтобы уподобиться окружающим их оседлым народам. За ее пределами, между берегами Средиземного моря и горными плато Ирана долгими веками процветали очаги главных цивилизаций, сменявших друг друга. За ее же пределами разворачивались важнейшие, определявшие историю события, которые затрагивали ее только рикошетом: либо втягивая иногда те или иные группы этих воинственных племен в более широкие конфликты, либо даже подвигая отдельных воителей к более или менее продолжительному вторжению вглубь этой враждебной территории. Легендарное богатство ее южной оконечности, производительницы «благовоний, которые она расточает подобно божественному аромату», согласно формуле Геродота, спровоцировало в прошлом ряд посягательств, от дерзкого похода римлянина Элия Галла во времена Августа до попыток с IV в. Персии и Эфиопии колонизировать ее территории. Но это были второстепенные события, способствовавшие, конечно, частичному изменению внутренней организации полуострова, но еще ничем не предвещавшие той грандиозной роли, которую его народ вскоре должен был сыграть в эволюции средневекового Ближнего Востока.

В сущности, достигнутый доисламской Аравией уровень цивилизации оставался весьма низким, за исключением самобытного мира уже упомянутой южной оконечности, этой так называемой «счастливой» Аравии, с ее высокими горными цепями, омываемыми Красным морем и Индийским океаном, которая выигрывала за счет благоприятного высокогорного климата и влажных муссонов. Здесь, в высоких долинах Йемена и Хадрамаута, украшенных террасными культурами, издавна развивались богатые оседлые царства, жившие за счет экспорта мирры и ладана, а также за счет торговли между Индией и средиземноморским миром. Но расцвет этих мелких царств, среди которых можно отметить Саба, Майн, Катабан и Авсан, ассоциирующиеся с такими великолепными сооружениями, как Марибская плотина или Гумданский дворец, носил краткий и локальный характер. Современная наука пока не установила точную их хронологию, неуверенно относя начало их возвышения к XIII, VIII, а то и к V в. до н. э. По крайней мере достоверно известно, что за их блистательным взлетом, когда они снабжали благовониями и пряностями греко-римский мир, последовал период упадка, усугубленный экономическими трудностями Ближнего Востока в эпоху ожесточенной борьбы между враждебными империями византийцев и Сасанидов. В VI в. окружавшие эти царства кочев-

ники, обеспечившие свое превосходство силой оружия, вытеснили их из прежней сферы торговли, что совпало с упадком, в который пришли их самые совершенные аграрные сооружения. Поэтому в наследство нарождающемуся исламу они передали скорее устные литературные традиции, уже ставшие достоянием арабов, расселившихся в центре и на севере полуострова и сохранявших память о древнем йеменском родстве, нежели объекты материальной культуры, которая к тому же осуждалась Кораном как языческая.

Кроме того, общество, к которому принадлежал Мухаммад и в котором должен был укорениться его завет, существенно отличалось от общества, некогда процветавшего в «счастливой» Аравии. В среде доисламского периода, позднее получившей название джахилийя, то есть «невежество», «варварство», доминировали племенные и кочевые обычаи северных арабов, рассеянных по безграничным пространствам плато, где линии оазисов, иногда соответствовавшие древним руслам водных потоков, несомненно создавали условия для поселений, в которых оседлые могли жить во взаимном согласии с бедуинами. Последние, преобладавшие по всей стране и приспособленные к существованию в скудной среде, обычно кочевали с верблюжьими стадами, за счет которых обеспечивали свою жизнь, посредством набегов и непрерывных битв улучшая свой бедный пастушеский рацион и ведя с природой жестокую борьбу за выживание. Вынужденные зачастую оспаривать друг у друга источники воды и удобные для стоянок места, они уважали родовые связи, которые подогревали непрерывную враждебность между кланами, но при этом обеспечивали человеку среди своих близких прибежище от врагов. Такова была роль этих кланов, которые, в свою очередь, делились на группы и подгруппы или, напротив, объединялись в крупные союзы как имеющие общего предка, и их имена, бережно хранимые исламской традицией, известны нам до сих пор. Каждый клан обладал определенной зоной обитания и выпаса, но их сплоченность держалась прежде всего на признании общего предка, служившего героем-эпонимом, к которому сложные генеалогические связи позволяли им возводить свое происхождение без малейших сомнений.

Отдельные кланы повышали уровень жизни, захватывая не только выращивающие финики и бедные урожаи зерновых оазисы, но и местные рынки, представлявшие собой центры обмена, где процветало примитивное ремесло. Эти места мирных встреч, которые иногда были центрами крупных ярмарок, чаще всего совпадали с перевалочными пунктами и торговыми этапами караванных путей, которые пересекали в то время полуостров, следуя, в частности, по его западному побережью, «барьеру» Хиджаза, и по которым транспортировались пряности и благовония в крупные точки севера. Эти перевозки некогда обеспечивали благосостояние ряда очагов оседлого населения древних минейских, лихианских и тамудейских городов севера и того набатейского царства Петры, чье население арабского происхождения на заре христианской эры активно смешивалось с оседлым арамеизированным окружением, не отказываясь при этом от своего призвания торговцев-кочевников. Те же экономические причины впоследствии содействовали, с одной стороны, подъему северных арабских государств, возникавших, собственно говоря, за пределами Аравийского полуострова, таких как царство Лахмидов, Хиры (с IV в.) или царство Гассанидов (около VI в.), которые использовались византийскими правителями, чтобы поддерживать порядок в сиро-месопотамской пустыне и обеспечивать с этой стороны прикрытые аванпосты старинной римской границы.

Влияние этого процветания еще долго ощущалось в негостеприимном регионе Хиджаза, который незадолго до рождения Мухаммада стал в результате стечения благоприятных исторических условий (упадок Южной Аравии и разрыв торговых путей от Евфрата к Персидскому заливу из-за борьбы между Сасанидами и Византией) центром торговой активности, контролируемой прежде северными и южными соседями. Отныне его население не только обеспечивало безопасность «дороги благовоний», но брало на себя расходы, связанные с торговлей, получая от своих вложений существенную выгоду. Хиджазцы быстро научились как коллективной дисциплине, контрастирующей с обычной арабской анархией, так и искусству поли-

тических переговоров, необходимых для ведения торговли в небезопасных условиях. Кроме того, контакты с внешним миром вели либо к техническим усовершенствованиям, о чем свидетельствуют лексические заимствования той эпохи, либо к восприятию чужестранных, более развитых и исполненных нравственного чувства верований, между тем как часть населения обращалась в иудаизм или христианство.

Но разбогатевшие на торговле племена Хиджаза в VII в. не утратили глубокой связи с менее развитыми бедуинами, с которыми их соединяло чувство общности происхождения, а также моральные и ментальные черты, сохраненные во всей полноте. Помимо арабского языка, который выделялся из прочих семитских языков сложностью морфологии, для тех и других были характерны традиционная племенная организация, суровость нрава, сочетающаяся тем не менее со вкусом к поэзии и красноречию, врожденная религиозная индифферентность, которая отнюдь не исключала бытования смутных страхов и суеверий, таких как культ многочисленных божеств, чаще всего астральных, воплощенных в деревьях или камнях, а иногда привязанных к священным территориям, где им поклонялись. Имея особое понятие чести, основанное на чувстве родовой солидарности и на уважении священных законов гостеприимства, они ценили такие человеческие качества, как храбрость, самообладание и даже в какой-то мере хитрость, и требовали их от тех, кого считали своими вождями. Но прежде всего их отличал непримиримый и надменный нрав, приводящий их к личным распрям и к ожесточенной борьбе кланов.

Успех мекканцев, приписанный сверхъестественному вмешательству, лишь способствовал укреплению претензий аристократии, росту ее богатства и власти. Период, который последовал за этим годом, названным «годом слона», совпадающим, согласно Преданию, с годом рождения Мухаммада (570), сопровождался возвышением наиболее активных ее элементов, прежде всего мощного клана Абд Шамса, который стремился монополизировать торговлю в ущерб более слабым кланам, таким как бану хашим, или хашимитам. Торговое процветание сопровождалось, таким образом, растущим дисбалансом внутри мекканского города, где древняя организация не могла устранить ни последствий меркантильной экономики, ни усиливающегося неравенства между богатыми с их растущими претензиями и менее удачливыми, обреченными на еще большее обнищание.

По крайней мере, так обрисовал ситуацию британский историк У. Монтгомери Уатт, пытавшийся представить социологический контекст деятельности Мухаммада. Социальный и интеллектуальный кризис, переживаемый тогда Меккой, квалифицируемый также как провал племенного гуманизма, был чрезвычайно благоприятен для пылкого призыва, безусловно рожденного религиозным брожением, которое, несомненно, было одним из фундаментальных аспектов Аравии той эпохи, но спровоцированного прежде всего трудностями материального и морального порядка, с которыми сталкивались современники Мухаммада в кардинально меняющемся обществе. Проповедь ислама, таким образом, была реакцией на смутную ситуацию, что отчасти объясняет ее колоссальный успех в исторической перспективе.

* * *

Что касается самой проповеди и тех трудностей, с которыми она поначалу столкнулась в мекканской среде, то в тексте Корана и в свидетельствах хронистов или арабских апологетов можно найти лишь невнятные аллюзии. Конечно, об этом мы осведомлены лучше, чем о смутном прошлом Аравии: к личности Мухаммада мусульмане всегда относились с особым вниманием, благодаря чему мы располагаем богатейшей литературой.

Но все имеющиеся источники восходят к одному-единственному и чаще всего излагают непроверяемые предания, сохранившиеся в исламской общине с первых веков. Наличие таких данных, которые невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть никакими свидетельствами

извне (очевидно, событие это прошло незамеченным для жителей соседних империй) издавна оставляло место спорам как среди арабских комментаторов, так и среди современных историков ислама.

Первые всегда были склонны в приводимых ими рассказах выбирать то, что не противоречило их собственной политической позиции. В частности, в том, что касается фактов, способных подкрепить последующие социорелигиозные позиции: так, например, можно говорить о шиитской версии жизни Пророка в противоположность версии, принятой повсеместно в суннитском мире. Те же самые комментаторы более или менее широко обращались к чудесным рассказам о детстве Мухаммада и по-разному относились к «чудесам», которые ему иногда приписывались сверх откровения в неповторимом божественном тексте.

В свою очередь западные историки придерживаются в целом двух различных точек зрения. Одни отрицают какую-либо ценность жизнеописаний, или сира, самое раннее из которых восходит к середине VIII в., поскольку сообщаемые ими сведения выглядят зачастую сомнительно. Другие, напротив, пытаются вычленив из сборников среди позднейших украшательств и тенденциозных рассказов материал, заслуживающий доверия. Но все признают, что узнать что-либо о жизни Мухаммада можно, лишь взяв за основу разнородные рассказы и согласовав между собой разрозненные эпизоды, детали и реальное значение которых не поддаются достоверному восстановлению.

В общем, сегодня все признают подлинность исторического лица, которого более старые, зачастую полемического характера исследования стремились приукрасить. Полностью принимая различные точки зрения на религиозную ценность его послания, профетическая природа которого может быть вполне осознана только изнутри мусульманской общины, обращающиеся к нему современные авторы настаивают на исключительном характере человеческого опыта, пережитого Мухаммадом – сначала в качестве защитника своего идеала, затем в качестве главы государства, которое он стремился воплотить. При этом они придерживаются своих философских, религиозных или, пользуясь более современным языком, идеологических принципов, что отражается в интерпретации личности, остающейся для многих загадочной. Несомненно, еще долго будут дискутировать о природе экстатических феноменов, по-видимому сопровождавших откровение стихов Корана. Несомненно также, что будут продолжать противоречиво оценивать внезапные перемены в поведении Мухаммада в течение жизни, особенно в его отношении к женщинам или к врагам. Но несмотря на подобные дискуссии, которые не ведутся лишь вокруг очень немногих из великих людей, мы можем представить себе с той или иной долей достоверности основные события его бурной, но в конечном счете недолгой жизни.

Среди этих событий одним из самых значительных, несомненно, был поворот, отмеченный в жизни Пророка и на заре мусульманской религии хиджрой, или «переселением», Мухаммада и нескольких его сторонников, вынужденных покинуть родную Мекку в поисках убежища в Йасрибском оазисе. С этого переселения, т. е., в сущности, с основания первого мусульманского государства, начинается политическая роль нового главы этого государства. Это событие станет отправным пунктом новой эры, выбранной символически, дабы подчеркнуть разрыв мусульманской общины с мекканским прошлым, эры, которая, начавшись, как традиционно указывают, 16 июля 622 г., объединит отныне все страны ислама.

В Мекке Мухаммад сумел собрать вокруг себя лишь очень незначительное число адептов, подвергавшихся насмешкам и расправам со стороны враждебного населения. Сам он принадлежал к захудалому клану города – клану бану хашим. В юности вкусил сиротской бедности, воспитывался дядей Абу Талибом, который приобщил его к своим караванным предприятиям. Женившись на богатой немолодой вдове по имени Хадиджа, он избавился от нужды, но не имел мужского потомства, более важного в глазах тогдашних арабов. Отсюда делали вывод, что он с детства должен был страдать от комплекса неудовлетворенности, объясняющего некоторые аспекты его будущего поведения, хотя скорее они были связаны с его проявившейся с возрас-

том тягой к уединению в горных окрестностях Мекки. Во время одного из таких уединений он впервые получил от таинственного голоса наказ передать послание и, пережив некоторый период сомнений, более или менее отчетливо осознал свою роль пророка. Содержание посланий, которые он передавал тогда своим близким и следствием которых стали единичные обращения в ислам, известны нам по некоторым сурам Корана, самым коротким, отличающимся рубленым стилем, которые восхищают силой экспрессии и лирического вдохновения.

Детали, сообщаемые арабскими биографами об обстоятельствах, при которых Мухаммад получил первое откровение, указывают на бурный характер этого эпизода. В том же драматическом ключе новоявленный Пророк продолжал воспринимать и передавать послания, которые повелительный глас поручал ему передавать или, точнее, «читать изустно»: отсюда название куран («чтение изустно»), которое было дано впоследствии совокупности этих текстов. Предостережения и угрозы чередовались в них с взываниями к величию и милосердию Аллаха. Но Предание подчеркивает то непонимание, с которым курайшиты встретили «посланника Аллаха», проповедовавшего религиозную и моральную реформу. В одном характерном, если уж не достоверном эпизоде Пророк, взойдя на холм Ал-Сафа, испускает призывный клич: «О, товарищи!» После чего собравшиеся вокруг него курайшиты вопрошают: «Чего же ты хочешь?» – «Что подумали бы вы, если бы я возвестил вам, что враг явится наутро или под вечер? Поверили бы вы мне?» – «Конечно». – «Так вот! Я предупреждаю, что ждет вас страшная кара!» – «Иди к дьяволу!» – вскричал тогда его дядя Абу Лахаб. – Ты что, ради этого нас созвал?»

Хашимиты и Умаййады

Хашимиты и Умаййады

У нас предостаточно сведений, иной раз агиографического характера, о различных формах неприятия: от насмешек первого времени до откровенной враждебности последнего периода, сопровождавшихся несколькими попытками компромисса или, напротив, запугивания. Во

всяком случае, кажется достоверным, что непонятый земляками и даже некоторыми членами своего клана Мухаммад нашел серьезную опору в своем ближайшем окружении: его ободряла супруга Хадиджа, а действия Абу Талиба, единственного из его дядьев готового оказать ему поддержку, заставили играть в его пользу родовую солидарность. Кроме того, вокруг него сплотились люди, близкие ему с детства, среди которых двоюродный брат Али, который станет его зятем, мужем его дочери Фатимы, его верный друг Абу Бакр, несколько сторонников и рабов, а также представителей более или менее влиятельных групп. Этот ограниченный круг признавал авторитет Мухаммада и воспринимал новые откровения, углублявшие его послания, в частности утверждениями о единстве Аллаха, который избрал Мухаммада посланником. В то же время среди знаков, призванных его поддержать, имел место эпизод, известный как «ночное путешествие». Оно привело Пророка сначала в Иерусалим, где он молился вместе с библейскими пророками, затем на небо, где он обретался вблизи Аллаха. Этот эпизод некоторые комментаторы трактуют как видение, но обычно он рассматривался как реальное «путешествие», ставшее впоследствии одной из любимых тем популярной назидательной литературы. В конце мекканского периода проповеди, продолжавшегося 12 лет, примерно с 610 по 622 г., в течение которых несколько верующих пытались спастись посредством временной эмиграции в Абиссинию, богатые караванщики-курайшиты в конце концов осознали опасность, которую представляла для их процветания доктрина, уравнивающая всех правоверных перед Аллахом, единым вознаграждающим, который стремится заменить властью своего Пророка власть существующую. Это объясняет изоляцию, жертвами которой стали первые адепты ислама после смерти Абу Талиба в 619 г., последовавшей за смертью Хадиджы. Но вместо того чтобы заставить Мухаммада сдаться, это мекканское давление подтолкнуло его к поискам внешней опоры, дабы обеспечить верность новой среды, способной принять и его самого, и его сподвижников.

* * *

Тогда с посланцами племени, обитавшего на территории Йасриба в сотне километров к северу от Мекки, начались переговоры, которым суждено было завершиться заключением так называемого Акабского соглашения. Тот, кто по примеру многих отвергнутых соотечественниками древних библейских пророков отождествлял себя с «посланцем Аллаха», отныне оставляет ожесточившихся земляков и принимает политическое решение искать новое поле деятельности. Для этого он воспользовался враждой, существовавшей между мекканскими купцами и другими, менее удачливыми или менее ловкими оседлыми арабами, которые не умели извлечь выгоду из караванной торговли и вынуждены были довольствоваться тем, что давало им земледелие. А посему нет необходимости особо останавливаться на разногласиях, противопоставлявших в Аравии VII в. могущественное племя курайшитов совокупности разрозненных арабских кланов, в том числе придерживавшихся иудейской веры, среди которых Пророк ислама решил искать убежище: ничто не напоминало мекканскую жизнь в бедных деревнях, растянувшихся в обрабатываемой низине, где позднее возникнет знаменитая Медина. Принятое Мухаммадом решение, видимо продиктованное его курайшитской гордостью, питалось тайной надеждой, оправдавшейся последующими событиями, вернуться триумфатором на землю, которую он вынужден был покинуть.

Десять лет, проведенные после этого Мухаммадом на «территории переселения», которая стала его «городом» или, точнее, местом, где он отправлял власть, чтобы довести до конца свои амбициозные планы, в сущности, выявили совершенно иной аспект его личности. Там он открылся как энергичный и авторитарный, иногда даже жестокий в своих деяниях государственный муж, вознамерившийся разорить бывших соплеменников, чтобы добиться их раскаяния, утвердивший свою власть над всем мединским оазисом, откуда он сумел изгнать, если не уничтожить бунтующие кланы и отдельных строптивцев. Одновременно он предстал ловким

военачальником, способным в духе «священной войны» организовать прибыльные набеги и оборонительные операции и неумоимо продолжать их, не останавливаясь перед выходом за границы Аравии. В то же время он показал себя еще и искусным дипломатом, способным вести переговоры и, не теряя хладнокровия, выгадывать время, когда это было предпочтительнее вооруженной борьбы, умевшим извлекать из малейших событий своей личной жизни (в частности, из многочисленных браков, заключенных с дочерьми или вдовами не только сторонников, но и врагов) политическую выгоду, состоявшую в обеспечении всеобщего подчинения, в котором он видел самую верную гарантию своей пророческой миссии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.